

ВикиЧтение

О чем не сообщил ТАСС [Подлинная история «Трианона»]

Перетрухин Игорь Константинович

<https://military.wikireading.ru/hH4I3nVWeQ>

Глава 3

В книге Пита Эрли «Признания шпиона» повествуется и еще об одном человеке, до сего времени остающемся для нас загадкой. Это бывший сотрудник Первого главного управления Герой Советского Союза полковник Алексей Исидорович Кулак.

Еще в 1978 году, неожиданно для всех, американский писатель Э. Эпштейн назвал в открытой печати псевдоним агента американских спецслужб Федора и сообщил, что под этим именем скрывается офицер КГБ, работавший в Организации Объединенных Наций и осуществляющий сбор научно-технической информации. В Вашингтоне поднялся тогда невообразимый шум. Всем было совершенно ясно, что такая слишком явная утечка информации позволит русской контрразведке быстро и без большого труда вычислить и обезвредить пробравшегося в разведку предателя. Гром, как говорится, прогремел, но внешне вроде бы ничего не изменилось.

Значительно позже в США вышла из печати книга Дэвида Уайза, в которой он описывал известных ему предателей и перебежчиков из КГБ. Автор, будучи большим знатоком всяких самых невероятных закулисных историй, несколько страниц своей книги посвятил таинственному агенту американских спецслужб, действовавшему под несколько необычным псевдонимом Федора. Д. Уайз совершенно определенно утверждал, что под этим псевдонимом скрывается не кто иной, как высокопоставленный сотрудник научно-технической разведки КГБ, более шестнадцати лет передававший американцам ценную информацию, и что его не смогли разоблачить до самой его смерти. Федору высоко ценило руководство ЦРУ, и за полученные от него сведения это ведомство якобы выплатило ему более ста тысяч долларов. Д. Уайз совершенно открыто называет его имя — Алексей Исидорович Кулак.

Автор книги, как это ни странно, не утверждает это со всей категоричностью, оставляя себе пути для возможного отступления и ссылаясь то и дело на бывшего руководителя контрразведывательной службы ЦРУ Джеймса Джесуса Эглтона, известного своей маниакальной подозрительностью «охотника за ведьмами», чей образ был запечатлен в романе его соотечественника Нормана Мейлера «Привидения Харлота». Эглтон не верил никому, ему всюду и везде мерещились подставы — «подсадные утки» коварного КГБ. Не верил он и Федоре, которого подозревал в том, что в действительности он был исполнителем одной из очень хитроумных и долговременных комбинаций русских.

Как утверждает Дэвид Уайз, тридцатидевятилетний Алексей Кулак в конце 1961 года был командирован советской разведкой в Нью-Йорк для добывания научно-технической информации. Работал он под «крышей» Комитета ООН по проблемам ядерной реакции. Как он пишет, это был невысокий, коренастый человек, внешне оправдывающий свою фамилию. Кулак, по словам автора, весной 1962 года сам отворил дверь офиса американских спецслужб в западной части Манхэттена и предложил там свои услуги. Действуя не по правилам, нарушив все стереотипы, он сразу же сбил с толку всех аналитиков и надолго поселил сомнение в их умах. Кто он был в действительности? Настоящий предатель или тонкая и изощренная подстава? Дискуссия по этому поводу, по словам автора, продолжается до настоящего времени.

Один из ветеранов штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, расхваливая в своей книге Федору, пишет, что это был очень ценный источник информации, который всегда очень охотно передавал сведения о других известных ему сотрудниках КГБ, хотя обычно в таких случаях даже завербованные агенты не всегда любят давать подобного рода информацию. Он самым подробным образом перечислил все, что интересовало Москву по части американских научно-технических секретов, и выдал все, что ему было известно о планах СССР по развитию ядерных вооружений. Кулак всегда очень внимательно относился к обеспечению своей безопасности. Каждый раз после встречи с сотрудником ЦРУ он самым тщательным образом проверялся на предмет обнаружения за собой наружного наблюдения. Заботились об этом и американцы. Была создана целая система регулярной передачи ему секретной информации, интересующей советскую разведку: его ценность была такова, что необходимо было чем-то жертвовать. Выкладывая доллары, американцы, несомненно, получали сверхвысокие дивиденды в размерах, исчислявшихся миллионами! Кулак не только оставался вне всяких подозрений, но и быстро продвигался по службе. Его встречи с американцами, как правило, записывались на видеопленку, во время бесед гостеприимные хозяева щедро угощали его шотландским виски, любителем которого был их русский друг. Так продолжалось достаточно много лет.

Кто же такой был Алексей Кулак? Я знал его по совместной учебе в школе номер 101 с осени 1958 года. Это учебное заведение КГБ СССР располагалось на двадцать пятом километре от Москвы по Горьковскому шоссе, на окраине города Балашиха Московской области. В годы Великой Отечественной войны здесь готовились для работы в тылу врага наши разведчики. В быту ее называли «Двадцать пятый километр» или просто «Лес». В сосновом лесу, за высоким зеленым забором, стояло несколько деревянных зданий, в которых размещались учебные аудитории, общежития, столовая, гараж и администрация, а в 1959 году к ним прибавилось четырехэтажное здание нового учебного корпуса. Здесь осваивались азы разведывательной профессии, изучались и доучивались иностранные языки и совершенствовались знания в них. В свободное время играли в хоккей, теннис, волейбол и занимались другими видами спорта. Предстояла сложная, пока еще неведомая по своей программе учеба и освоение нового, пока еще таинственного участка работы. В задачу слушателей входило не только грызть «гранит науки» в аудитории, но и много времени проводить в «поле», то есть в каком-либо населенном пункте или в Москве, где проводились так называемые практические городские занятия (ПГЗ). Надо было научиться выявлять наружное наблюдение, уходить от него, закладывать тайники,

проводить с «агентом» моментальные передачи и вообще проделывать все то, что должен уметь каждый сотрудник разведки. Но все это было еще впереди.

В 1947 году в Московском химико-технологическом институте был создан секретный факультет для подготовки кадров зарождавшейся тогда атомной промышленности. Из многих элитных вузов страны туда отбирали лучших студентов. К их качеству предъявлялись самые строгие требования: чтобы и голова была светлой, и анкетные данные безупречными. Алексей Кулак, которого перевели туда из Института пищевой промышленности, подходил по всем статьям. Уже тогда ему сулили большое будущее в науке, а по своим биографическим данным он и вовсе был уникальным студентом: Герой Советского Союза с четырьмя орденами и множеством других наград. Его отличала исключительная скромность, он никогда не эксплуатировал свои фронтовые заслуги, и многие преподаватели, которые принимали у него экзамены, так и не узнали, что перед ними был заслуженный человек и Герой Советского Союза. «Золотую Звезду» он надевал только по большим праздникам, и то тогда лишь, когда по линии парткома следовала команда «Всем быть при параде!». Он не любил ходить в театры, не проявлял интереса к новинкам художественной литературы, не тратил попусту времени на пустопорожную болтовню и анекдоты в курилках. Ко всем занятиям относился с завидной основательностью. И не было ничего удивительного, что он стал сталинским стипендиатом, а с получением диплома был зачислен в аспирантуру.

Судя по рассказам учившихся с ним, А. Кулак слыл человеком весьма своеобразным. Для многих он был грубым и недостаточно общительным: редко вступал в разговоры по своей инициативе, не отличался дипломатичностью и не выбирал выражений. В своих выступлениях на партийных собраниях, если доводилось ему взять слово, мог довольно сурово пройти по ректору института и другим руководителям, если они того заслуживали. Проводить свободное время он тоже так и не научился. Один из его товарищей по институту А. А. Пушкин рассказывал, что за всю свою жизнь Алексей только два или три раза соглашался на поездку в санаторий. Однажды его в самый разгар лета с трудом вытащили на Валдай. Погода была прекрасной, но только уговорить Алексея искупаться так и не удалось. Всему он предпочитал сумрак бильярдной, где и проводил значительную часть свободного времени. После блестяще защищенной диссертации на такую актуальную тему, как «Радиоактивный анализ редких металлов», перед молодым ученым открывались радужные перспективы, его ожидала карьера подающего большие надежды научного работника.

Однако все начало развиваться совершенно по иному пути. Неожиданно его пригласили в отдел кадров института, где сотрудник органов государственной безопасности в штатском в беседе с глазу на глаз предложил ему продолжить свое образование в учебном заведении совершенно другого профиля, пообещав впоследствии интересную работу за рубежом. Нельзя с полной уверенностью сказать, долго ли колебался А. Кулак, получив такого рода предложение, только осенью 1958 года он оказался в числе слушателей разведывательной школы номер 101.

Несмотря на определенные правила, касавшиеся слушателей и, по известным соображениям, заметно ограничивавшие распространение сведений биографического

характера о каждом из нас, всем довольно скоро довелось узнать, что А. Кулак — Герой Советского Союза и кандидат наук, хотя и не все знали, каких именно. Естественно, нам не была известна его настоящая фамилия, так как все имели тогда «школьную». Очень скоро с началом учебного процесса он прослыл человеком ответственным, серьезно относящимся к учебе и возложенным на него обязанностям. Он импонировал всем своей независимостью и как убежденный борец за правду и справедливость. В то время это очень заметно отличало его от всех других. По свидетельству очевидцев, более близко общавшихся с ним, и моим личным наблюдениям, он не щадил конъюнктурщиков, какие бы они посты ни занимали. Ему ничего не стоило открыто высказаться о том или ином руководителе, и так резко, что хоть стой, хоть падай! Так, например, при помывке в бане в присутствии большой группы слушателей он мог — я сам слышал это — заявить во всеуслышание об одном из хозяйственных руководителей школы в высоком воинском звании, что «у него извилин в башке, как у меня в прямой кишке!». Такого, конечно, не позволял себе никто другой. «Ну, — говорили в подобных случаях его близкие друзья, — Леху понесло!»

А вот что вспоминает о А. Кулаке наш однокашник, генерал-лейтенант в отставке, доктор исторических наук Н. С. Леонов:

«Нас всех, конечно, интересовало, как это он на войне сумел столько наград заслужить! Алексей обычно помалкивал и, только сильно поддав, соглашался на уговоры, рассказывал о боях. Да и то его рассказы совсем не походили на байки записных удальцов. Приведу одну из таких услышанных от него историй. После окончания ускоренного курса артиллерийского училища младший лейтенант Кулак был направлен для прохождения службы на один из самых горячих участков фронта, по-моему, в район Курской дуги. И угодил он туда как раз в канун наиболее жарких сражений. Двадцатилетнему парню велели принять под свое командование батарею. Но утром перед первым боем отозвали его в сторону уже хлебнувшие лиха усатые сержанты и молвили: „Слушай сюда, летёха[20]. Сейчас танки на нас попрут немецкие. Так ты от греха вали отсюда подальше и не вздумай нами командовать. Нам жить охота, и мы тут сами управимся, понял? Тебе окопчик вон там в тылу отрыт: сиди в нем и не возникай. А станешь рыпаться, пеняй на себя. Прибьем“.

Пошли танки. Командир смотрел в бинокль из своего окопа и кусал в кровь губы: почему его орудия не стреляют? Танки наползали прямо на позицию батареи. Пушки молчали. Когда ему показалось, что все кончено, грохнул залп. И сразу четыре танка превратились в факелы. Второй залп — загорелись еще три. Через несколько минут перед его батареей пылали с десятков машин. В это время над полем боя пролетал на самолете крупный генерал. „Чья батарея?“ — „Младшего лейтенанта Кулака“. — „Командиру — орден Александра Невского, всем остальным — Красную Звезду“. Когда батарею объявили приказ, Кулак дернулся из строя, чтобы объяснить: ни при чем он был, незаслуженная это награда. Но сержанты придержали его сзади веско и грубовато: „Не дергайся, замри, лейтенант. Всё делом. Ты этот орден еще отработаешь“. И до самого последнего дня войны до Берлина доказывал Алексей всем окружающим, а прежде всего самому себе, что та награда досталась ему не даром. Он лез в самое пекло, шесть раз был ранен, стал командовать дивизионом, а в сорок пятом за бои на Одере был представлен к Герою».

И все это затем, чтобы спустя многие годы стать предателем и американским шпионом?

Не будет большим преувеличением и секретом, если сказать, что после выхода в свет книги Дэвида Уайза, где впервые был упомянут псевдоним Федора, служба нашей внешней контрразведки, а точнее говоря — Управление «К» не занялось вплотную этим вопросом.

Как известно, — в частности, из зарубежных источников информации, — Управление «Т», в структуре которого многие годы работал А. Кулак, занималось выведыванием научно-технических секретов и достигло в этом направлении значительных успехов. Многие новейшие технологии и технические разработки, едва появившись за границей, тут же становились добычей наших агентов, или, говоря проще, сотрудников наших нелегальных резидентур. В этом управлении работали умные головы, представлявшие все отрасли технических и естественных наук и знавшие в этом толк. Эти люди не зря ели свой хлеб.

По данным, приведенным в книге английского исследователя и ведущего западного теоретика разведывательных проблем Кристофера Эндрю и предателя из КГБ Олега Гордиевского «КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева» (М.: Центрполиграф, 1999), около 150 советских систем вооружений основаны на технологиях, украденных на Западе. Возможно, это и не совсем так, но можно с уверенностью утверждать, что Служба внешней разведки (СВР) и разведки Генерального штаба больше всего источников информации приобрело в среде специалистов ведущих научно-исследовательских центров и промышленных фирм. На расходы по вознаграждению за представляемую информацию не скупилась, так как общеизвестно, что гораздо лучше заплатить сотню-другую долларов за какую-то технологию или чертежи, чем потратить миллионы долларов на реализацию собственных программ.

В «Лесу», как в обиходе называется загородный комплекс зданий нашей внешней разведки, о чем уже говорилось, сотрудники Управления «Т» посматривали на других несколько свысока. Дескать, наши-то успехи у всех на виду, а вот чем вы там занимаетесь, это надо еще проверить. Конечно, если и делались когда-то подобные высказывания, то только в форме шутки, а не осуждения. Это управление и в самом деле уже много лет являлось самым результативным. На оперативных совещаниях начальство не упускало случая процитировать выдержки из зарубежных газет или журналов вроде такой: «Советские шпионы умудрились за несколько сотен долларов приобрести военно-техническую документацию стоимостью три миллиона долларов!». Во всем этом нет ничего удивительного, тем более что промышленным шпионажем занимаемся не только мы. Эта распространенная по всему миру своеобразная эпидемия неизлечима, и существует она с незапамятных времен. Вспомним хотя бы историю нашего достаточно далекого прошлого о том, что секрет бронебойного артиллерийского снаряда для российского военно-морского флота, изобретенного нашим прославленным соотечественником С. О. Макаровым еще задолго до войны с Японией, после его первого испытания на одном из полигонов вблизи Санкт-Петербурга сразу же стал известен разведке германского генерального штаба и вскоре был запущен в серийное производство.

Говоря о достижениях сотрудников Управления «Т», справедливости ради следует сказать и о том, что, к нашему большому сожалению, многое из того, что с таким невероятным трудом и риском добывается как на Западе, так и на Востоке, зачастую по тем или иным причинам остается невостребованным на родине и не приносит нам никакой практической пользы. Но это, как говорится, информация для размышления.

А главное состоит в том, что именно сюда, в Управление «Т», и был направлен Герой Советского Союза, кандидат химико-технологических наук А. Кулак.

Позади остались три проведенных на фронтах войны года, учеба в институте, аспирантура, защита диссертации и успешное окончание разведшколы КГБ. Жизнь выводила его на очередную и не менее значимую орбиту.

В Управлении «Т» ПГУ вновь назначенного оперативного уполномоченного встретили, как и полагается, с почетом и уважением к его прежним заслугам и начали активно готовить его для работы в нью-йоркской резидентуре. Независимо от этого он продолжил интенсивно заниматься совершенствованием столь необходимого в работе за океаном английского языка.

В конце 1961 года, под прикрытием МИД СССР, после непродолжительной стажировки в одном из отделов министерства, он был командирован в США для работы в Организации Объединенных Наций. Вместе с ним выехала и его жена. Заняв предназначенную для него должность сотрудника ООН, он получил квартиру, обзавелся автомашиной и стал регулярно посещать различные дипломатические приемы. Ему была предоставлена возможность как следует осмотреться, завести полезные знакомства и еще более уверенно овладеть английским языком. Так продолжалось примерно около года, а потом ему не вполне тактично напомнили о действительной цели его пребывания в стране: где результаты работы и добываемая разведывательная информация? И пришлось А. Кулаку, отодвинув на задний план свои амбиции и свою геройскую славу, засучив рукава, с головой окунуться в нелегкую повседневную и суровую жизнь работников резидентуры.

В то небольшое свободное от работы время он вел замкнутый образ жизни, в гости ходить не любил, всегда находил какие-то предлоги для того, чтобы отказаться, ссылаясь на работу или какие-то другие причины, и у себя тоже никого не принимал. Как вспоминает его старый друг по институту А. Пушков, приехавший в Нью-Йорк в служебную командировку, Алексей, как полагается, встретил его в аэропорту Дж. Ф. Кеннеди, повозил по городу и показал кое-какие достопримечательности, угостил в хорошем ресторане обедом, но вот к себе, к его удивлению, в гости не пригласил. «Чего-то он стеснялся. Какая-то тайна там была». Но какая?

Возглавлявший в то время нью-йоркскую резидентуру генерал-майор Б. А. Соломатин, человек довольно суровый и не всегда дипломатичный в отношениях со своими подчиненными, как-то признался, что все они в свое время были просто заморожены геройским званием прибывшего к ним оперработника и прощали ему многое из того, что другим никогда не сошло бы с рук. А. Кулак мог, например, совершенно спокойно сказать своему начальнику, что после обеда он любит выпить, и тут же отправиться в ближайший

бар. По возвращении вечером он без всякого стеснения дышал на своих коллег крепким перегаром. Посмел бы это сделать кто-нибудь другой?

Об этих, мягко говоря, «причудах» знали все. Некоторые даже относились к этому «с пониманием»: дескать, в нашей работе стрессы такие, что без алкоголя порой никак не обойтись. А «принимал» Алексей практически каждый день, и это уже не украшало его как офицера нашей заграничной резидентуры, да еще в такой важной для нас стране, как США. По вечерам он подолгу засиживался в резидентуре, занимаясь изучением открытых источников информации, многочисленных газет и журналов. А может быть, уже тогда внимательно прислушивался к разговорам своих коллег и фиксировал их с помощью специальной техники? Позже один из сотрудников разведки говорил в данной связи: «Если это и в самом деле так, то спецслужбы США на протяжении многих лет прекрасно знали обо всем, чем там мы занимались... Выходит, все наши операции в Нью-Йорке были заранее обречены?». Все или не все, а наших провалов за океаном было поразительно много. Не проходило и года без широко разрекламированных в средствах массовой информации скандалов, арестов и объявлений персонами нон грата советских «дипломатов». И это при том, что американская контрразведка никогда не раскрывал всех своих карт и не спешила реализовать полностью имеющуюся у них информацию, дабы не расшифровывать источники ее получения.

В феврале 1963 года А. Кулак был переведен из секретариата ООН в советскую миссию при этой организации. С 1967-го по 1971 год он находился в Москве, где работал в своем управлении, а затем был вновь командирован в нью-йоркскую резидентуру под прикрытием атташе по науке в нашей миссии, где благополучно пробыл на этот раз почти семь лет — до 1978 года.

Итогами двукратного пребывания за границей по результатам работы были ордена Красного Знамени и Красной Звезды. По тем временам это было очень много, так как для большинства сотрудников заграничных резидентур даже медаль «За боевые заслуги» считалась почти несбыточной мечтой. Скупое на похвалу и прижимистое на награды начальство, по всей видимости, полагало, что уже сам факт пребывания в заграничной командировке является большой честью для сотрудников. Такие награды могли быть вручены, согласно Указам Президиума Верховного Совета СССР, за очень значительные результаты в работе и получение информации, представляющей огромную государственную важность, или вербовку какой-то исключительно ценной агентуры. Выходит так, что А. Кулак действительно добился каких-то сногшибательных результатов?

Вернувшись домой уже в высоком звании полковника, А. Кулак неожиданно для многих потерял всякий интерес к службе, стал чаще выпивать и в итоге из «Леса» был направлен в свой родной Химико-технологический институт как офицер действующего резерва, а затем и вовсе уволен в отставку. Он, как было видно, не особенно переживал по этому поводу и на свою судьбу не жаловался. По утрам он неизменно и вовремя приходил на работу в институт, где в научно-исследовательской части занимал должность начальника отдела, к обеду выпивал традиционную и довольно приличную дозу коньяка и больше практически уже ничего не делал. А в целом же к исполнению своих обязанностей ни по

науке, ни по технике не проявлял ни малейшего интереса. Жил с женой в скромной двухкомнатной квартире на Садовом кольце и по-прежнему никого из своих немногих друзей домой никогда не приглашал.

В 1983 году он неожиданно заболел и вскоре умер от рака. На кладбище при похоронах в присутствии высоких должностных лиц из ЦК КПСС и руководства КГБ было сказано немало добрых и искренних слов. На подушечках из красного бархата лежали «Звезда» Героя Советского Союза, шесть боевых орденов и два десятка медалей. Тогда еще никто не знал, что все они льют слезы над могилой агента ЦРУ США, что скорая смерть чудом спасла его от страшного позора, неминуемого суда, а вполне возможно, и неминуемого расстрела.

Но кое-кто уже в то время знал, что в тот день на престижном Троекуровском кладбище хоронили объект проведенного Управлением «К» сложного, глубокого и длительного расследования. В этом достаточно засекреченном управлении только одному человеку было доверено держать в своих руках все нити данного ответственного дела. Впоследствии он подключил к расследованию еще четырех человек, в том числе двух руководящих работников Управления «Т». И больше ни одна живая душа не знала, что на Федору началась большая охота. Расследование было окружено строгой секретностью совсем не потому, что боялись спугнуть дичь, а из-за того, что в круг подозреваемых попало за короткое время около ста человек, сведения о которых в той или иной степени соответствовали скупым данным, почерпнутым из статьи Э. Эпштейна в американской газете. Необходимо было подвергнуть внимательной проверке каждого из них, но только таким образом, чтобы тень подозрений не сопровождала затем жизнь ни в чем не повинных людей. Лишь одному из них в конечном итоге следовало отказать в доверии.

В процессе этой работы предстояло проанализировать самым тщательным образом все материалы о имевших место за последние десятилетия провалах на американской линии и о том, что им предшествовало, агентурные донесения, личные дела сотрудников резидентур, служебные аттестации... Постепенно круг подозреваемых сузился до десяти человек. К 1980 году было обращено внимание на одну интересную закономерность: отчего-то некоторые ценные агенты в США работали очень неравномерно. То их отличала высокая активность, а то они как бы впадали в глубокую и необъяснимую спячку. Возник естественный вопрос: а на кого замыкались эти самые агенты? Логика подсказывала: на одного из оставшихся десяти. А необъяснимые провалы в активности «источников» приходились как раз на время его отсутствия в США. Словно кто-то хотел работать именно с ним и ни с кем другим. Данное обстоятельство являлось своеобразным ключом к разгадке тайны. Внимание опытных специалистов-контрразведчиков было обращено на характер полученной А. Кулаком от американского источника информации. Она, как оказалось, была действительно очень ценной и получила высокую оценку экспертов, представлявших военно-промышленный комплекс. Но только с одной, но очень существенной оговоркой.

Вся эта информация относилась к таким видам изделий, создать которые при нашей в то время отсталой технологии практически не представлялось возможным: для этого потребовалось бы как минимум около двадцати лет! Таким образом, передавая нам через

А. Кулака эту и в самом деле очень ценную информацию, американцы ничем не рисковали: их наука не стояла на месте, и за двадцать лет они имели реальную возможность продвинуться в соответствующем направлении еще дальше. Эти выводы были исключительно важными и не вызывали никаких сомнений в их логичной достоверности.

И вот, наконец, настало время подведения итогов проведенного столь тщательного расследования. Все участники проделанной работы пришли к единогласному выводу, что единственным оставшимся в списке подозреваемых был А. И. Кулак[21]. Однако с окончательным решением вопроса торопиться не стали. Тогда-то А. Кулак неожиданно для многих и был переведен в действующий резерв, руководство КГБ дало санкцию на проведение его негласной проверки как американского шпиона. Однако тщательно проведенная проверка, к немалому удивлению охотников, не принесла никаких результатов. Кулак вел замкнутый образ жизни, не сорил деньгами и не проявлял никакого интереса к секретным материалам. Если он и работал на американскую разведку, то только не теперь. Косвенных доказательств было вполне достаточно, а серьезных улик, с которых могли бы начать свою работу сотрудники следственного аппарата и участники последующего судебного разбирательства, к сожалению, не было ни одной. Пока мучительно размышляли о том, что же делать в сложившейся ситуации, А. Кулак скоропостижно скончался. Возможно, для него это был самый лучший вариант.

Хоронили его со всеми полагающимися офицеру воинскими почестями и оружейным салютом, а вскоре в музее ПГУ был демонтирован посвященный ему стенд. В прошлом к портрету фронтовика, Героя Советского Союза, одного из самых уважаемых офицеров внешней разведки водили поколения молодых разведчиков, его ставили в пример и называли достойным подражания образцом мужества и верности своему долгу.

Все его награды вместе с «Золотой Звездой» Героя Советского Союза были изъяты из музея и возвращены в Президиум Верховного Совета.

В конце восьмидесятых тогдашний начальник ПГУ Л. В. Шебаршин, выступая перед сотрудниками разведки, впервые публично признал факт предательства, хотя А. Кулака давно уже не было в живых.

Если строго придерживаться юридической точки зрения, то использование терминов «предатель» или «агент ЦРУ» в отношении Кулака не совсем правомочно, мягко говоря, по закону это допустимо лишь после вынесения судом соответствующего решения. Однако разведка, не посчитавшись с формальностью, сама вынесла бывшему герою приговор, и к тому же суровый, и обжаловать его никто не посмел!

Но удивительное дело: почти все, знавшие его по совместной учебе и работе, отзывались о нем с нескрываемой симпатией, даже зная о вынесенном ему «приговоре». Бывший секретарь партийного бюро нашего «потока», носивший тогда школьную фамилию Гагарин, до сего времени не может до конца поверить, что такое могло приключиться с человеком, которого он вроде бы хорошо знал и был в нем уверен во всех отношениях. Может быть, причиной симпатий к нему были признаки чисто внешнего характера: ярко

проявлявшаяся независимость во взглядах, поведении, высказываниях в отношении вышестоящих начальников. А может быть, подобное отношение к нему объяснялось и тем, что, имея непростой и даже суровый характер, он тем не менее никогда не причинял вреда окружающим его людям, своим товарищам? Абсолютное большинство знавших его с порога отвергают версию о том, что в основе его предательства лежали какие-то политические или материальные соображения. Нельзя исключить того, что американцы, после основательного изучения, поймали его на амбициях. Герой Советского Союза, перспективный ученый, привыкший всегда и везде быть первым, и вдруг оказалось, что, несмотря на прилагаемые усилия, достичь желаемых результатов не удастся. Не удастся подтвердить то, что давно уже стало привычным: стоит только захотеть — и успех обеспечен! Блюдечка с голубой каемкой, как говорил Остап Бендер, не оказалось. Возникшая тупиковая ситуация подталкивала к поиску выхода из создавшегося положения. Тот, с кем он вошел в контакт, взял на себя роль ценного информатора, снабжавшего его якобы исключительно важными сведениями. Кулака втягивали в эту игру все глубже и глубже. В глазах же руководства резидентуры и Центра, как это и должно быть по логике вещей, он стал преуспевающим разведчиком. А как же иначе?

Тогда у него еще была полная возможность доложить резиденту о подставе и, прибегнув к помощи других, как-то вывернуться из сложившейся ситуации. Конечно, были бы неприятности, но они не стали бы достоянием широкой гласности. Пришлось бы, может быть, прервать командировку и возвратиться в Москву, а после «отсидки» вновь выехать, на сей раз уже в другую страну. Но он предпочел, чтобы петля на шее затягивалась все туже и туже. И в конце концов наступил момент, когда ситуация стала необратимой. А тут еще высокие правительственные награды, посвященный ему стенд в музее ПГУ, слава... Обратного пути уже не было!

Если вновь возвратиться к самому началу всей этой истории с псевдонимом, то следует заметить, что он уже сам по себе указывал на то, что его обладатель никак не относится к людям с обычным, рядовым мышлением, которым вполне хватило бы таких наименований, как Лавров, Сидоров или, наконец, Гамлет. А Кулака с присущими ему особенностями характера не могла устраивать такая серая прозаичность. Ему, как человеку неординарному, надо было нечто особенное, не похожее на эту обыденность. И он обратил внимание на образ из русской народной сказки, столь популярной в период нашего детства, — «Федорино горе». А именно на Федору с ее, говоря по-современному, проблемами и трудностями: ведь и у него было горе — горе человека, попавшего в тупиковую ситуацию. Загнал же он себя в угол, как уже говорилось выше, не по каким-то там политическим причинам или из-за соображений материального характера. Всему виной были ущемленное до крайности самолюбие и ряд других факторов, обусловленных в основном особенностями склада его характера.

Теперь вы уже знаете историю этого человека, к которой мне нечего что-либо